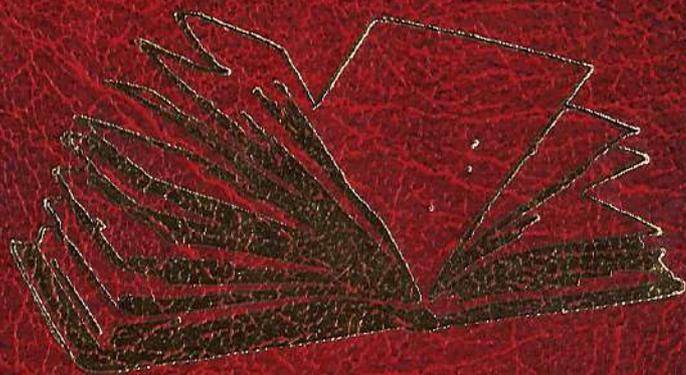

Современные орловские писатели
Избранное

Том второй

ПОЭЗИЯ

АНДРЕЙ **ФРОЛОВ**

ПОЛИВАЛЬЩИК

Картину детства в сердце берегу я:
Володька Рыжий, дворничихин внук,
Схватив за шею радугу тугую,
Над головою чертит полукруг!

Широкий веер радужных осколков
С шипением врезается в газон.
А мы поодаль, хмурые, поскольку
К Володьке подходить нам не резон.

Штанины клёш – такая нынче мода,
Под синяком сверкает хитрый глаз...
Что говорить, он старше на три года –
Почти эпоха разделяет нас!

НА ПОКОСЕ

Отава изросью умыта.
Из лога выплыла заря.
Литовка шикает сердито
На неумеху-косаря.

Срываю потную рубаху –
Не деревенских я корней,
Но я упрям, и с каждым взмахом
Строка прокоса всё ровней.

Здоровье, вроде, не воловье,
А не устал за два часа –
Шепчу старинное присловье:
«Коси, коса, пока роса!»

БАБЬЕ ЛЕТО

Богом посланная милость –
Тёплый. солнечный денёк.
Это лето зацепилось
Паутинкой за пенёк.

Продолжает труд тяжёлый
Забубённая пчела.
Пацаны бегут из школы
На окраину села.

Промелькнут по косогору –
Мимо пасеки, на брод.
А пескарь в такую пору
И на голый крюк берёт!

РЫБАК

С перегреву зарницами бредя,
День июльский отходит ко сну.
Напевая вполголоса, Федя,
Размахнувшись, бросает блесну.

Котелок, закипая, дымится:
Ох, ушица двойная густа!
Рыбы много пока в Моховице.
Федя знает такие места!..

Но не лезьте с расспросами к Феде –
Пропадут понапрасну труды, –
Он не слишком искусен в беседе,
Любит молча сидеть у воды.

Сырость гасит его сигарету.
 Федя, пристально глядя во тьму,
 Караулит бессонную реку..
 Улыбаются звёзды ему.

Линялый август..
 Встать до солнца,
 Когда ещё в ознобе сад,
 И пересуды у колодца
 Вчерашние ещё висят;
 Набросив – так, на всякий случай –
 На плечи дедовский бушлат,
 Хрустя антоновкой пахучей,
 Пробраться мимо спящих хат
 За край села, где по-над лугом
 Туман раскинулся ковром;
 Брести в нём, влажном и упругом,
 На колокольчики коров;
 Ступить в дымящуюся реку
 И плыть заре наперерез..
 Каких же нужно человеку,
 Помимо этого, чудес?

Надсадно выла автострада,
 Горячим выхлопом дыша, –
 Через шоссе валило стадо
 Размеренно и не спеша.

Тяжеловесны и угрюмы,
 Как будто спали на ходу,
 Коровы медленную думу
 Жевали, точно лебеду.

И снисходительная жалость
К людской извечной суете
В глазах косящих отражалась,
Как в застоявшейся воде.

РОДИНА

Дойдешь до чёрного столба,
Сверни направо:
Твоя здесь скорбная судьба,
Твоя держава.

Твой худо-бедный огород
В тени крапивы,
Тебя заждались у ворот,
Рыдая, ивы.

В лугах не кошена трава
Четыре срока.
А мама?.. Всё ещё жива,
Да одинока.

Ждёт обветшалая изба
Тебя так долго.
Сверни у чёрного столба, –
Нет выше долга.

ВОРОЖЕЯ

Ходили слухи: бабка – ведьма,
Мол, ей и сглазить – плюнуть раз.
Давно пора ей помереть бы,
Да ведьмам слухи – не указ.

Вот и жила неторопливо,
Мирясь со злобой языков,
И взглядом жгучее крапивы
Стегала души земляков.

Скупа на ласковое слово,
Копной волос белым-бела
И подозрительно здорова...
До той поры, как померла.

С кончиной каверзной старухи
Утихомирилась молва...
А на девятый день округе
Хватать не стало волшебства.

СТРОЙКА

Домишко скромный –
стена в кирпич –
полгода строил
старик Кузьмич.
Село ворчало:
не тот, мол, пыл,
у Кузьмича, мол,
не хватит сил,
ровесник века –
не совладать...
Кузьмич кумекал,
где тёс достать.
Залил фундамент
и начал класть
на камень камень,
перекрестясь.

Стропила, кровля –
не на авось.
Забил к Покрову
последний гвоздь.
Приладил двери
и вытер пот:
– Ну, кто не верил?
Глядите – вот...
Присел в сторонке
и вдруг... чихнул.
Как о приёмке
акт подмахнул.

СТОРОЖ

Десять лет колхоза нету,
Сад давно уже ничей.
Сторож ходит до рассвета,
Он привык не спать ночей.

В ширину – шагов сто двадцать,
Двести семьдесят – в длину.
Он не может отвлекаться
На бездельницу луну.

Перекурит за избушкой,
Пристегнув себя к ружью,
И пугает колотушкой
Тень горбатую свою.

ХОЗЯЙКА ЯБЛОНЕВОГО САДА

Много яблок по деревне.
Только знают пацаны,
Что у бабушки Андревны –
Просто диво как вкусны!

И поэтому, наверно,
Успевает только треть
Урожая у Андревны
Окончательно созреть.

Шибко сердится Андревна –
Мол, коту под хвост труды, –
Собирая на варенье
Уцелевшие плоды.

И который год, не знаю,
Всё страшит пацанву:
– Вот ужо, кого споймаю, –
Ухи-т начисто сорву!..

А потом вздыхает глухо
И, беседа со мной,
Говорит:
– Дурна старуха –
Нешто слопать всё одной?

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Висели дома на высоких дымах –
Отчаянно печи чадили в домах,
И в каждой четвертой по счету печи
Румянили к Пасхе бока куличи.

мир,
где людей не собаки кусают, а люди,
мир,
бесприютней которого нет и не будет...
Всё же я рад за себя и того идиота –
есть у нас общее:

есть у нас дом и работа,
краешек неба, где каждое утро восходы,
и обязательный минимум личной свободы.

В период коротких закатов
Кусается злее недуг.
Туман под деревьями матов,
А воздух холодный – упруг.

Ночная тревожная птица
Визгливо ругает росу...
И очень легко заблудиться
В себе, как в дремучем лесу.

Теперь, как и прежде, зима неизбежна.
Хотя не морозно ещё и не снежно,
Но в сумерках рыжих запуталось время,
Как спички, сгорев, почернели деревья.
А небо готово на землю свалиться,
И первыми это почувяли птицы
И, вскинувшись, высь надо мной раскачали.
И сердце застыло в предзимней печали...

Всю-то жизнь мой отец слесарил,
Почитая свой труд за честь.
Под руками его плясали
Все металлы, что в мире есть.
Размечал заготовки, резал,
И паял, и клепал – за грош.
И шутил:
– Я тебе из железа
Чёрта сделаю, если хошь...

А теперь, как его не стало,
Прихожу я с вопросом:
– Бать,
Из какого, скажи, металла
Мне для сердца броню склепать?
Слишком много на нём отметин –
Так болит, что уж мочи нет...

Прошуршал над погостом ветер
И принёс мне отцов ответ:
– Ты, сынок, только с виду умный,
А на деле – совсем дурак.
Тех, кто ходит с плитой чугунной
Вместо сердца, полно и так.
Ты подумай-ка головою:
С железякой в груди ты б смог?
А болит... Знать, оно живое,
И ты этим гордись, сынок...

ПРО СОСЕДКУ

Долго не пишется...
Яблони ветка
Лезет в окошко, тихонько звеня...
Тут вот на днях прицепилась соседка:
«Ты, – говорит, – напиши про меня.
Я ж, погляди-ка, страдаю от веку:
Брошена, дети – сиротки, как есть...»
Как же, ну как объяснить человеку:
Судеб разбитых на свете – не счесть.
Нынче хорошее встретится редко,
Чаще – предательство, злоба, враньё.
Ну а соседка... Да что там соседка!
Я ведь уже написал про неё:
В этом стихе, и вот в этом, и в этом –
Долго верёвочку горькую вью...
Нет. Обзывает хреновым поэтом –
Хочет фамилию видеть свою.

Кажется, я не умру никогда...
Речка дымится над вспаханным полем.
Вслед отступающим страхам и болям
Смотрит насмешливо с неба звезда.

Ей говорю: «Не меня сохрани,
Но береги без конца, год за годом
Тех, что с моим невесёлым уходом
Могут пред миром остаться одни...»

Сорванный лист устремлѐн в никуда –
То ли падение, то ли паренье.
Дочка вишнёвое варит варенье...
Кажется, я не умру никогда.

БОБЫЛЬ

Под сочащимся ржавчиной краном
Торопливо стирает бельѐ,
Объявляет войну тараканам
И проигрывает её.

Вечерами вздыхает устало,
Как в период страды тракторист,
И заглатывает сериалы,
Поминутно влюбляясь в актрис.

Поливает щетинистый кактус,
Не надеясь, что тот зацветѐт.
Если спросишь участливо: «Как ты?»,
Угловато плечами пожмѐт.

ЮРОДИВЫЙ

Тих, одинок, печален.
Нечего взять с него.
Смотрит из-под развалин
Разума своего:
Взглядом пронзит тяжѐлым –
И не удержишь слѐз,
Папёрть метет подолом,
Что-то бубнит под нос.

Скорбный, как шорох листьев,
Голос его дрожит.
И от колючих истин
В страхе народ бежит.

НАБАТ

Даже глухие его услышали.
Даже немые вскричали в ответ...
Он разрастался, уже не стихая,
Мощной волною врвался в рассвет!

В небе клубился и падал отвесно,
Людям до крови сжимал кулаки.
Волей своей заострял повсеместно
Вилы, и косы, и просто штыки.

Гулкий,
тревожный,
надрывный,
натужный,
Как предвещание близкой беды...
Даже безрукие взяли оружие.
Даже безногие стали в ряды.

РЕПЕЙ

Под небом пыльным и сухим,
Меж двух сквозных степей,
Живет адептом строгих схим,
Отшельником репей.

От зноя жилист он и чёрн,
Тревожен, как беда.
Корнями в выветренный дёрн
Вцепился навсегда.

Когда тебе у той черты
Случится проходить,
Не пожалей глотка воды
И дай ему попить.

КОММУНАЛКА

1. Утро

Понедельник. Час рассвета.
Коммунальный коридор.
В ожиданье туалета
вяло тлеет разговор.
И вот-вот совсем потухнет,
темнотой углов распят...
Озабоченно на кухне
восемь чайников сипят.
Завтрак. Судорожный выход –
кто к станку, кто на базар.
Дверь жильцов листает лихо,
как услужливый швейцар.

2. Морской волк

Дядя Коля списан с теплохода –
потому в запое третий год,
и его мятежная природа
продыху соседям не даёт:

то швырнёт их в пасть водоворота,
 то волной накроет штормовой...
 Зря, конечно, изгнан из морфлота
 бывший первоклассный рулевой.
 Вот и сам он: в латаном бушлате,
 испитой и выпитый до дна,
 маетно распластан по кровати,
 будто вахта трудная сдана...
 Но, вниманье: цокают стаканы –
 дядя Коля снова «у руля»...
 Стойкие к волнениям тараканы
 драпают, как крысы с корабля.

3. Зина

У Зины насуплены брови,
 житейская складка меж них;
 у Зины хромает здоровье,
 а тут ещё бросил жених.
 И что ему, глупому, надо?
 Да, впрочем, и парень-то – так...
 Устав от такого расклада,
 она попивает коньяк.
 Стучится под вечер к соседу,
 пытается выдавить смех
 и... с треском ломает беседу,
 озлобившись:
 – А чтоб вас всех!...

4. Вечер

К ночи тягостней промахи власти,
 откровенней мольбы стариков –

и коммуна дробится на части
перещёлком надёжных замков.
Гулко кашляет, пьёт валерьянку,
раздражаясь нахальством луны;
убеждает себя: спозаранку –
на работу во благо страны.
А когда перед самым рассветом
беспокойным забудется сном,
беспардонным охрипшим дуэтом
прогнусавят будильник отпетый
и дежурный петух за окном...

ПОСОХ

В зоревых, тяжёлых росах,
В стылой сумеречной мгле
По земле блуждает посох,
Дыры делая в земле.
Сеет смуту и раздоры,
И судачат старики:
– Бродит в поисках опоры,
Твёрдой, праведной руки...

ВИДЕНИЕ

В котомке квас да мятный пряник,
Большою думой светел лик –
В моей Отчизне каждый странник
В своем убожестве велик.

Пряма, как лезвие, дорога.
Бела, как помыслы, луна.
Спокойно спит моя страна,
В своем величии убога.

Со старины привычна к боли,
К обилью жертвенных кровей...
Обрывки снов пасутся в поле,
Их караулит соловей.